

Юбилей

бы интересно, если бы вы дали их портрет.

— Могу. Вот недавно в Киеве на меня пошла очень красивая девочка, такая высокая, длинноногая. Вся горела, шла. Я так приосанился. А она: «Вахтанг Константинович, вас так любит моя бабушка!». Я говорю: «Спасибо. Большое». Много молодежи стало появляться на концертах последнее время. Видно, деградирует эстрада современная. Все стало друг на друга похоже. А песня, настоящая песня, должна запоминаться. Она должна быть прелестна в своей примитивности.

Капитализм

— Как вам современный российский капитализм?

— Есть общеизвестное выражение — из грязи в князи. Видно это все народы проходят. Когда Горбачев перестройку объявил, появилась такая фраза: «После перестройки будет перестрелка». Так оно и вышло. Мне не нравится, когда кучка людей очень богата, остальные бедные, а середины нет. Вот мы сейчас видим, какие-то усилия прилагаются якобы, но наладить не могут. Все это называется неконструктивный переход к цивилизованной жизни. А вообще капитализм мне очень нравится.

— Чем?

— Капитализм — это основа спокойной жизни. Америка шла к этому двести лет через большую кровь и через очень серьезные трудности. Минус бывшего Союза в том, что все мы безалаберные, недисциплинированные люди, это очень мешает. Но наладится тоже...

— Когда?

— Когда-нибудь (смеется). Сейчас такая тенденция — каждый думает о себе, каждый тянет в свой дом — лишь бы успеть. Жаль, что не читают.

Веч. Москва. - 1998. - 23 марта. - с. 7.

Кикабидзе любят бабушки и внучки. А еще московская милиция

Яна СОКОЛОВА

Кикабидзе — самый русский из всех грузин. Его Валико из суперпопулярного «Мимино» Георгия Данелия больше, чем хорошая роль. С ней Вахтанг Кикабидзе вошел в каждую семью многонационального СССР. Обаятельный, неунывающий, душевно щедрый Буба — человек-легенда. Он снялся и спел во множестве фильмов, при этом эстрада всегда оставалась для него главной ипостасью. В 89-м Кикабидзе неожиданно исчез с экранов и перестал давать концерты. В тяжелые для родины времена он счел необходимым быть в Грузии. Он не пел пять лет. Когда же ситуация стала стабилизироваться, снова вышел на эстраду и опять появился в телевизоре. Вместо жгучего брюнета с густыми усами пред нами предстал седовласый щеголь, импозантный грузинский дворянин. Он называет себя шутником и несерьезным человеком, при этом его высказывания — правильные и мудрые успокаивающие истины. Он много гастролирует, его концерт идет два часа сорок минут без перерыва. Он поет о том, что мы хотим услышать. Последнее время Вахтанг Константинович часто бывает в Москве, где останавливается в гостинице грузинского посольства. Здесь мы и встретились накануне 60-летия маэстро. Огромный плакат со знаменитой улыбкой Кикабидзе — первое, что я увидела в фойе.

Концерты

— Вахтанг Константинович, мы виделись перед 8 марта в вашем ресторане «Не горюй», а потом вы уехали на гастроли...

— Я позавчера вернулся, был на Севере. До этого на Урале. Недавно

ездил в Прибалтику, на Украину. За последние полтора года был два раза в Израиле, в Венгрии, в Германии два раза, в Америке, в Канаде три раза, наверное. Сейчас выстраиваю тур на апрель, будем работать в Питере и вокруг.

— А кто ваши поклонники? Было

Литература плохая выходит, все заполнилось дешевой.

Книги

— А что читаете сейчас вы?

— Вы, может быть, удивитесь, я перечитал недавно «Хаджи Мурата». Если бы наши политики прочли ее вовремя, то, наверное, многих неприятностей не было на Северном Кавказе. Там все очень наглядно. Еще читаю газету «Совершенно секретно». Интересно: кто с кем спит в бане, у кого сколько миллионов, миллиардов.

— А вот в каком-то интервью вы говорите, что ваш любимый писатель — Хемингуэй. Что вы находите в его книгах?

— Он мужик. Мне нравятся его герои. Например Морган из «Иметь или не иметь». Я люблю отвечающих за себя людей.

Принципы

— Вахтанг Константинович, расскажите нам про свои принципы.

— Без принципов жить нельзя. Но это тоже со временем приходит. Есть периоды в жизни человека, когда он думает, что уже помудрел, а потом выясняется, что все-таки нет. И надо это все проходить. Нельзя ущемлять ближнего. Для меня это важно. Нельзя выпячиваться. Надо любить Родину. Ваше поколение не помнит, что было плохого при серпе и молоте, а многие мои ровесники не могут перестроиться. А наше старшее поколение голову положило на то, чтобы нам хорошую жизнь устроить... Надо

уважать женщину. И после себя что-то оставить все-таки. Человек должен за свои поступки отвечать. Это его право — как жить. Но есть еще семья, есть родители, круг друзей, мнение, которое создается вокруг тебя. Ты — временно пришедший на эту нашу маленькую планету. И внукам не должно быть стыдно произносить твою фамилию.

Молодежь жалко очень, сегодня она неприкаянная. Бегают дети по улицам. Ты не успеваешь остановить машину, маленький пацан начинает чистить стекло. Я сразу представляю, что где-то дома его мама сидит или отец — безвыходное положение. Много нищих. Среди них видно тех, кто не умеет просить. Много одиноких стариков. Нас за 70 лет научили друг друга не любить. Это, наверное, самое страшное.

Друзья

— Вахтанг Константинович, а кто ваши друзья?

— За столом все — друзья. Хорошее вино, водку поставь, немного мяса, картошки — всем хорошо. Когда беда и рядом с тобой станет человек — это надо ценить. Для меня самые счастливые дни были, когда мы очень тяжело жили, полуголодные. Тогда были ценности. Мы прекрасно понимали, что черный хлеб — это черный хлеб, а белый хлеб — это уже был для нас какой-то торт с кремом заварным. И человек в жизни должен знать, где черное, где белое. Я не приемлю два качества — предательство и хамство. Что касается второго — мама с детства учила меня никогда ничего не выяснять, встать немного выше.

Слава

— А правда, что в Грузии вы артист номер один?

— Нет, конечно. Слава — это вещь, которая приходит и уходит. Я не люблю славы. Я люблю уважение. Я не люблю славы. Я люблю уважение. Я не люблю славы. Я люблю уважение.

— Я не знаю (смеется). Трудно сказать... Сейчас очень модно говорить с экраном: «Я звезда, я всего три года тому назад пришел в искусство. И очень трудно быть звездой». У нас очень много хороших актеров в Грузии, особенно театральных.

— А вы стремились когда-нибудь к популярности, хотели стать очень известным?

— Я об этом не задумывался. Но когда говорят, что быть популярным неприятно — это все вранье. У меня был случай один — вот здесь на Арбате два года назад. Шел дождь, а мне надо было найти скотч, что-то

— Я не знаю (смеется). Трудно сказать... Сейчас очень модно говорить с экраном: «Я звезда, я всего три года тому назад пришел в искусство. И очень трудно быть звездой». У нас очень много хороших актеров в Грузии, особенно театральных.

— А вы стремились когда-нибудь к популярности, хотели стать очень известным?

— Я об этом не задумывался. Но когда говорят, что быть популярным неприятно — это все вранье. У меня был случай один — вот здесь на Арбате два года назад. Шел дождь, а мне надо было найти скотч, что-то

Кадр из фильма «Мимино»

обклеить. И мы никак не могли сообщить, куда надо пойти, и вот какой-то молодой человек подошел и говорит, что с детства помнит мои песни, что в его доме есть моя музыка. А я спрашиваю: вы не знаете, где я могу ленту купить? Он говорит: не знаю. Мы попрощались, он ушел. Мы зашли в большой гастроном и вдруг этот, мокрый, прибегает и приносит два мотка скотча и бутылку шампанского. Приятно? Я долго не мог понять, почему взрослые люди, старшее поколение, особенно в провинциях, говорят со мной на ты. Потом я понял, что я у них как член семьи.

Города

— Вахтанг Константинович, а какие ваши самые любимые города?

— В первую очередь, Тбилиси. Москва. Баку — своеобразный город. Киев. Есть города, которые мне нравятся, но жить там я никогда не буду. Например, Стамбул. Веселый, шумный город. Сан-Франциско — очень красивый город. А в Европе скучно.

— А что нравится и не нравится в Москве?

— Лужков сделал из Москвы современный красивый город. Удивительно просто. Я каждый день открываю что-то новое. Выхожу — здание стоит, вчера не было этого здания. Кольцевая дорога — тоже его заслуга. Что не нравится. Я не люблю, когда правоохранительные органы ведут нецивилизованную работу. Например, на Западе очень сложно просто так остановить человека. Он может подать в суд. Много людей страдает оттого, что их ставят к стенке и начинают выяснять, кто они. Кстати, что мне нравится в Москве — меня очень любят милиция. И дома тоже, конечно.

...Красивый стал город очень. Особенно ночью. Я недавно был в Нью-Йорке, даже на улицу не выходил. За чем? Грязный город. Мне намного приятнее гулять по Арбату.

— Вы гуляете по Арбату? Это же должно вызывать страшный ажиотаж!

— Очень редко. Редко гуляете или редко ажиотаж?

— Я редко гуляю, а ажиотаж всегда.

Мечта

— И последний вопрос, может быть, немного романтический — ваша мечта?

— Никакой романтики здесь нет. Я очень хочу, чтобы все наладилось. Чтобы успокоилось побыстрее. Чтобы мы сами начали себя уважать. Надоело видеть потухшие глаза и озабоченные лица. Нельзя у человека отнимать право быть человеком... Когда попадаю на выставки, я всегда люблюсь картинами примитивистов. Потому что там все, как в сказке. Очень красочно, у зверушек человеческие глаза. Лиса может на дереве сидеть. Мне это по душе. Я хочу, чтобы цвета было больше, цветов, улыбок, песен. А люди живут через силу. Сейчас кто-то скажет — чего Кикабидзе жалуются, у него же все хорошо. Это не так. Нельзя жить только своими заботами.